

Глава 34. Домой

К счастью, Лян Шань вовремя вмешался и всё объяснил, иначе его сестра Лян Сеи так и ринулась бы в атаку на Фан Хэнъи, размахивая кухонной лопаткой.

— Так ты тот самый сосед, который живёт с моим братом! — воскликнула Лян Сеи.

— Ага, — кивнул Фан Хэнъи.

Лян Сеи немного смутилась. Всё-таки встретиться ранним утром лицом к лицу с незнакомым красавцем без макияжа... И пусть он был полноват, он оказался точным воплощением её девичьих грёз! Ей всегда безумно нравились такие высокие, плотные мужчины — очаровательные и невероятно милые.

— Я тут закуски приготовила, попробуй, — Лян Сеи решительно придвинула к Фан Хэнъи все тарелки, что стояли перед Лян Шанем.

Лян Шань: —...

Фан Хэнъи бросил быстрый взгляд на Лян Шаня, подцепил палочками немного еды и аккуратно пододвинул блюдо обратно к нему.

— Спасибо, — с улыбкой поблагодарил он девушку.

— Брат, а где твоя невеста?

— Уехала на учёбу.

— На учёбу?! — Лян Сеи ошарашенно уставилась на него. Опасливо покосившись на Фан Хэнъи, она понизила голос до шёпота: — Брат... ты что, связался с малолеткой?

Лян Шань не успел открыть рот, как заметил, что Фан Хэнъи едва сдерживает смех.

— Да о чём ты? Скоро уже университет оканчивает.

— А, ну ладно... — Лян Сеи заметно расслабилась, а затем засыпала брата вопросами: — Брат, и давно вы вместе? Почему ты тёте ничего не рассказал? Да и нам тоже?

— Не так давно. Отношения ещё не устоялись, так что рановато об этом трубить. И ты помалкивай, — Лян Шань отложил приборы и промокнул губы салфеткой.

— Ну вот, вечно ты ставишь меня в неловкое положение! Хранить тайны — вообще не мой конёк, — капризно надула губы Лян Сеи.

— Ладно тебе. Сдержишь язык за зубами — куплю подарок.

— Спасибо, братик! Хе-хе.

Закончив с завтраком, Лян Сеи спросила, не хочет ли Фан Хэнъи составить ей компанию и пройтись по магазинам. Тот вежливо отказался — нужно было заглянуть в спортзал, да и дневные пары никто не отменял.

Как только закончилась последняя пара, Фан Хэнъи спустился в вестибюль и сразу заметил Жэнь Шиэра, который нетерпеливо ждал его у выхода.

— Аудиенции у тебя не допросишься, — усмехнулся Жэнь Шиэр, шагнув навстречу.

— Послушай, мне позавчера внезапно позвонила мать. Ты ведь разболтал ей что-то, да?

— Ну... — Жэнь Шиэр тут же напустил на себя виноватый вид. — Я просто случайно обмолвился, что ты свалился в воду. Видимо, тётя не на шутку перепугалась.

На лице Фан Хэнъи крупными буквами отразилось: «Так я и знал». Он притянул приятеля за шею и, скрежеща зубами, прошипел:

— Мама велела мне сегодня же явиться домой. И это всё благодаря тебе, Сестрёнка Жэнь!

— Блин, я-то тут при чём? Сам виноват, нечего было в пруд нырять!

— Короче, вечером пойдёшь со мной. Если отец решит меня высечь, ты первый встанешь на амбразуру.

— И не подумаю! Даже не проси! С какой стати мне совать нос в ваши семейные разборки?

— Отказ не принимается. Пойдём просто поужинаем.

Жэнь Шиэр скорчил плаксивую мину. Знал бы — в жизни бы не пришёл! От одних мыслей о том, какой неловкий ужин его ждёт, перехватывало дыхание.

Вечером они подъехали к дому Фан Хэнъи.

Стоило Фан Хэнъи выйти из машины, как он тут же наткнулся на суровый взгляд отца. Фан Лунь стоял на крыльце, скрестив руки на груди, и буквально буравил сына глазами. Но стоило ему вытолкнуть вперёд Жэнь Шиэра, как выражение лица старика мгновенно преобразилось — гнев улетучился, сменившись мягкой, даже приветливой улыбкой.

Что и требовалось доказать: Сестрёнка Жэнь в роли живого щита — приём безотказный!

— О, Жэнь Шиэр пришёл! — добродушно загудел Фан Лунь.

— Здравствуйте, дядя Фан, — расплылся в вежливой улыбке Жэнь Шиэр.

— Проходи, проходи скорее.

— Спасибо!

Фан Хэнъи со снисходительной нежностью потрепал Жэнь Шиэра по макушке:

— Молодчина, Сестрёнка Жэнь. Цены тебе нет.

— Отвали, — сквозь зубы процедил тот.

Присутствие гостя сковывало Фан Луня, не позволяя ему открыто демонстрировать недовольство, так что атмосфера за ужином оказалась на удивление сносной.

— А-И, кушай побольше. Столько времени дома не был! — Чжан Ясю с материнской заботой принялась наполнять тарелку сына, бережно подкладывая кусочек за кусочком, пока еда не начала валиться через край. Бросив укоризненный взгляд на мужа, она запричитала: — Бог знает, как ты там наголодался на чужбине! Ты ведь с самого детства из гнезда не улетаешь, а тут взял и сбежал... Я чуть с ума не сошла от тревоги! Жэнь Шиэр обмолвился, что ты недавно в озеро упал. Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит? У меня сердце кровью обливается...

— Всё в порядке, мам, пустяки. Не переживай, я цел и невредим.

— И... где же ты сейчас устроился? — осторожно поинтересовалась Чжан Ясю. Одно воспоминание о недавнем телефонном звонке заставляло её сердце тревожно сжиматься.

Фан Лунь устремил на сына тяжёлый и пронзительный взгляд.

Жэнь Шиэр уткнулся в свою тарелку, усердно жуя и старательно притворяясь деталью

интерьера.

— Живу у друга. Сыт, обут, ни в чём не нуждаюсь, так что зря волнуешься.

— А что за друг? И кто тогда ответил на звонок вместо тебя? — допытывалась мать.

— Если ты связался с кем-то сомнительным, я из тебя всю дурь выбью! — вскипел Фан Лунь, грозно сверкнув глазами.

Фан Хэнъи глубоко вдохнул, заставляя себя игнорировать выпады отца, и спокойно обратился к матери:

— Я остановился у племянника учителя Вэня. Учитель узнал, что мне негде приткнуться, и попросил его приютить меня. Думайте обо мне всё, что вам угодно, но не нужно мешать с грязью посторонних людей, которые проявили ко мне доброту.

Чжан Ясю мысленно перевела дух, но от слов сына она покраснела:

— Да мы вовсе и не... не думали ничего такого плохого.

— Это на что ты намекаешь?! Хочешь сказать, мы судим по себе и ищем во всём грязь? — побагровел от гнева Фан Лунь.

— Именно так.

Жэнь Шиэр мысленно простонал: «Ну всё, приехали... Пора искать пути к отступлению, пока посуда не полетела».

— Да как ты смеешь! — взревел отец. — Будто я тебя не знаю! Когда это я ошибался на твой счёт? Сегодня же собираешь вещи и марш домой! Хватит обременять приличных людей из семьи твоего преподавателя!

— Да замолчи ты наконец! Умеешь ты по-человечески разговаривать?! — испуганно прикрикнула на него Чжан Ясю.

Фан Хэнъи молча поднялся из-за стола, отложил палочки и негромко произнёс:

— Мам, спасибо за ужин, я сыт. Мне пора.

— Фан Хэнъи! Ты глухой?! Тебе русским языком сказано! — Фан Лунь тоже вскочил с места, опрокинув стул.

— Всё я прекрасно понял, но делать этого не собираюсь. Буду и дальше докучать племяннику учителя Вэня. Кто знает, может, я ему тоже безумно нравлюсь?

— До чего же ты бесстыжий! — у Фан Луня даже дыхание перехватило от ярости. — Мало того что сам ненормальный, так ещё и других в свою грязь утянуть пытаешься?! Живо марш в свою комнату, кому говорю!

Чжан Ясю с силой шлёпнула мужа по плечу. Они же договаривались поговорить спокойно! Ну зачем он опять за своё?! Ведь места себе не находил от беспокойства, переживал, что сын ютится неизвестно где, голодает, хотел вернуть его под крыло... А вместо ласки опять этот его вечный приказной тон, от которого зубы сводит!

«Мало того что сам ненормальный...»

У Фан Хэнъи от этих слов загудело в ушах. «Ну да, конечно. Я больной. Извращенец. А когда это я у тебя был нормальным?»

Внутри него тоже бушевало пламя обиды и злости, но внешне он оставался холоден как лёд, лишь крепче сжал край пиджака.

— Пожалуй, откажусь. Не хочу доводить вас до инфаркта своей «болезнью».

Он сделал знак Жэнь Шиэру собираться и мягко добавил, глядя на мать:

— Наверное, мне лучше реже показываться здесь. Не хочу быть для вас вечным источником разочарования.

— А-И, сынок, стой! Ну куда ты? — Чжан Ясю едва не плакала. — Твой отец... он просто старый дурак, ляпнул не подумав! Он ведь места себе не находил от беспокойства, правда!

— Мам, давай мы просто поживём порознь и немного остынем, — Фан Хэнъи не сдержался и с горькой усмешкой добавил: — В конце концов, я ведь больной и мерзкий. Зачем ломать себя и насильно терпеть такое убожество в доме?

— Да что ты такое говоришь! — воскликнула Чжан Ясю, хватая его за руку. — Твой отец не то имел в виду, язык бы ему оторвать! Ты наш сын, как мы можем от тебя отвернуться? Просто... просто для нас это слишком неожиданно, мы никак не можем во всём разобраться...

— Нет, именно это я и имел в виду! — Фан Лунь окончательно потерял контроль над собой, слова сына сработали как искра в пороховом погребе. — Фан Хэнъи! Если ты не выкинешь эту блажь из головы и не начнёшь жить как нормальный человек, у меня больше нет сына! Я знать тебя не желаю!

— А я не изменяюсь. Хоть убейте. Можете презирать меня сколько угодно — мне не привыкать. Когда это вы вообще во мне человека видели?

У Фан Хэнъи были старшие сестра и брат. Сестра унаследовала семейный бизнес и успешно вела дела компании, расширяя её влияние. Брат, перескакивая через классы и курсы, блестяще защитил докторскую и сразу получил приглашение в Государственную академию наук.

Фан Хэнъи тоже не обделили умом, но из-за блестящих успехов брата и сестры отец постоянно сравнивал его с ними, ставя их в пример. В Хэнъи с ранних лет укоренился дух противоречия — он бунтовал и делал всё наперекор отцу.

Он не умел, как сестра, льстить, заглядывать в глаза и виртуозно крутить людьми. Не был он и идеальным, вежливым мальчиком, как его брат, заслуживший всеобщие похвалы. Фан Хэнъи выбрал путь бунтаря, превратившись в глазах семьи в настоящее стихийное бедствие.

Учась блестяще, он при этом умудрялся прогуливать уроки, ввязываться в драки и гонять на мотоцикле. Учителя хватались за голову и без конца вызывали родителей в школу.

С его ангельской внешностью он должен был быть примерным мальчиком, а вместо этого пил, курил и обзавёлся татуировками.

По точным наукам он стабильно получал высшие баллы, но наперекор уговорам учителей и отца выбрал гуманитарный профиль, после чего с лёгкостью поступил в Университет А, заняв первое место в списке абитуриентов.

Его должны были зачислить без экзаменов, но в выпускном классе он ввязался в крупную потасовку, разом лишившись этой привилегии.

Любая из этих выходок доводила отца до белого каления и желания взяться за ремень.

— Да у тебя же крыша поехала! Тебе лечиться надо! Никуда ты не пойдёшь, завтра же везу тебя к психиатру!

Фан Хэнъи горько усмехнулся и ткнул себя пальцем в грудь:

— Да, я болен. По-вашему, мой лишний вес — это не болезнь?

Фан Лунь болезненно поморщился, его голос сорвался на сиплый шёпот:

— Я... я не об этом!

За этой «болезнью» скрывалась старая трагедия. Много лет назад конкурент Фан Луня пытался его отравить, но яд случайно принял маленький Фан Хэнъи. Мальчика чудом спасли, вытащив с того света, но с тех пор его обмен веществ нарушился, и он начал стремительно набирать вес.

Фан Хэнъи не винил отца, просто к слову пришлось в пылу ссоры. К тому же на подсознательном уровне он прекрасно знал, куда бить, чтобы уколоть побольнее.

Чжан Ясю тут же прослезилась. Сердце разрывалось от жалости к сыну.

— Прекратите! Хватит! — закричала она. — Фан Лунь, замолчи! А-И, сыночек, не слушай его, он несёт чушь...

Фан Хэнъи понял, что перегнул палку. На самом деле он никогда не был жестоким или глупым. Если бы он плевал на чувства родителей, то не стал бы усердно учиться, чтобы оставить им хоть какой-то повод для гордости.

С выпадами отца он давно смирился. «Больной», «ненормальный», «сумасшедший» — он привык пропускать эти ярлыки мимо ушей, не желая всерьёз спорить с упрямым консерватором. Но даже у его терпения был предел. Фан Хэнъи оставался обычным человеком со своими слабостями, обидами и болью. Рано или поздно эмоции должны были вырваться наружу, а в такие моменты мало кто следит за языком.

Он шумно выдохнул, гася бурю в груди, и устало опустил плечи:

— Ладно, проехали. Спорить бесполезно. Считайте меня кем хотите, ругайте как вздумается. Только поберегите здоровье, возраст уже не тот, чтобы так кипятиться. Сестра и брат вечно в разъездах, я теперь тоже живу отдельно. Пожалуйста, берегите себя.

У Чжан Ясю градом покатались слёзы. Ну какой же золотой у неё ребёнок! А они, родные родители, даже выслушать его не могут! Одно упрямство и грубость! Во всём виноват этот старый сухарь Фан Лунь!

— Мам, ну ты чего плачешь? — Фан Хэнъи мягко стёр слезинки с её лица рукавом своей куртки. — Ладно, не буду мозолить вам глаза. Увидимся как-нибудь.

— А-И... неужели ты совсем не будешь приходить? — всхлипнула мать.

— Вернусь, когда вы будете готовы принять своего «больного» сына.

— Да нормальный ты! Это у отца твоего мозги набекрень! Не слушай его! Ну нравится тебе парень, и что с того? Какая же это болезнь?! Ты мой сын, и если ты болен, то и я больна! И он тоже болен! — отчаянно воскликнула Чжан Ясю.

Фан Лунь лишь стоял с ошарашенным видом, не зная, что сказать.

В последнее время Фан Лунь втайне изучал эту тему и уже понимал, что к чему. Просто сегодня сын задел его за живое, и он сорвался. В глубине души он признавал, что сын ни в чём не виноват, это он сам никак не мог смириться с реальностью. Чувство вины грызло его изнутри, словно рой муравьёв, но гордость мешала повиниться. Ему оставалось лишь стоять с каменным лицом, выпятив грудь, словно упрямый петух, который ни за что не признает своего поражения.

Жэнь Шиэр молча хлопал глазами, поражённый столь стремительным и непредсказуемым поворотом событий.

[Система: Оцените масштаб драмы! Ии-цзы, это было просто гениально!]

— Мам, лицом к лицу лица не увидеть. Мне пока действительно лучше пожить отдельно. А там... — он с наигранной грустью покосился на отца, — как бог даст.

Кое-как успокоив плачущую мать, Фан Хэнъи наконец смог вырваться на свободу и покинуть отчий дом.

— Фан Хэнъи, ты как? — тихо спросил Жэнь Шиэр, как только они отошли от ворот.

— Нормально, — Фан Хэнъи выглядел на удивление невозмутимым.

— Но батя твой сегодня знатно разошёлся.

— Да уж, устроил сцену при свидетелях.

— Слушай, если тебе пар нужно выпустить... может, пропустим по стаканчику?

Фан Хэнъи ненадолго задумался, а затем согласно кивнул:

— Давай.

— Алло? — Фан Хэнъи сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и прижимал к уху перевёрнутый мобильник.

— Фан Хэнъи, ты скоро будешь? — из динамика донёлся мягкий, обеспокоенный голос Лян Шаня.

Фан Хэнъи запрокинул голову и прикрыл веки. Голос Лян Шаня эхом отдавался в его мыслях, успокаивая и согревая. Он долго молчал, вслушиваясь в эту мягкую интонацию.

— Фан Хэнъи, там за дверью как будто кто-то есть... — Лян Шань шумно сглотнул. — Сестра сегодня уехала к себе. Ты скоро? Мне как-то... не по себе. Сердце так и колотится.

Фан Хэнъи открыл глаза и, помолчав секунду, негромко рассмеялся:

— Не бойся, глупый. У двери — это я.

<http://bllate.org/book/18195/1752938>